

А. З. Бейсенов, И. К. Ахияров, Н. Ш. Джуманазаров

Карашоки, старая зимовка в долине Аксары в Центральном Казахстане¹

Аннотация. В полевых сезонах 2019–2020 гг. авторы проводили исследования в районе села Бесоба Каркаралинского района Карагандинской области. Местность известна наличием большого числа памятников археологии. Первые обследования памятников здесь проводили в 1950–1960-х гг. А. Х. Маргулан (Алматы), А. Ф. Семенов (Караганда), С. В. Киселев (Москва). В наши дни исследования продолжились. Здесь открыты новые памятники эпох бронзы, раннего железа, в том числе стали известны петроглифы Коныржон. Изучаются мазары и зимовки казахского времени. Как показали разведочные работы в окрестных горах, в районе сконцентрировано значительное количество старых зимовок. В ходе работ авторов была обследована зимовка Карашоки, расположенная в южной части небольшой долины Аксары. В сообщении приводятся некоторые предварительные результаты исследования этого памятника. Планируется продолжение этих работ в ближайшие годы. Судя по результатам работ, зимовка Карашоки возникла во второй половине XIX в. и существовала вплоть до первой трети XX в. Значительная часть казахских зимовок Центрального Казахстана уже исчезла с лица земли, остальные быстро разрушаются. Поэтому остро назрела необходимость организации государственного учета и охраны этих важных памятников, а также их научного изучения. Начальный этап исследований показал наличие в данном районе значительного числа археологических памятников, в числе которых крупные курганы сакского времени, а также курганы с «усами». Перспективным направлением являются и поиски поселений раннего железного века. **Ключевые слова:** Центральный Казахстан, Бесоба, казахская зимовка, Карашоки, археологические раскопки.

Долина Бесоба находится на востоке Центрального Казахстана, там, где берет начало река Нура. Пересекает эту долину, окруженную горными возвышенностями, река Байкожа, являющаяся собственно началом Нуры. Благодаря благоприятным природным особенностям долина Бесоба издревле населялась скотоводческими общинами, оставившими многочисленные памятники [1]. Первые археологические памятники этого района были открыты в ходе полевых исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) под руководством академика А. Х. Маргулана. Исследования памятников эпохи бронзы проводили в 1950–1960-х гг. А. Х. Маргулан (Алматы), Л. Ф. Семенов (Караганда), С. В. Киселев (Москва) [2, с. 143; 3]. В современную эпоху продолжились открытия и исследования разновременных памят-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования науки Республики Казахстан, грант AP08857177 «Исследование хозяйства и традиций домостроительства населения раннего железного века Центрального Казахстана».

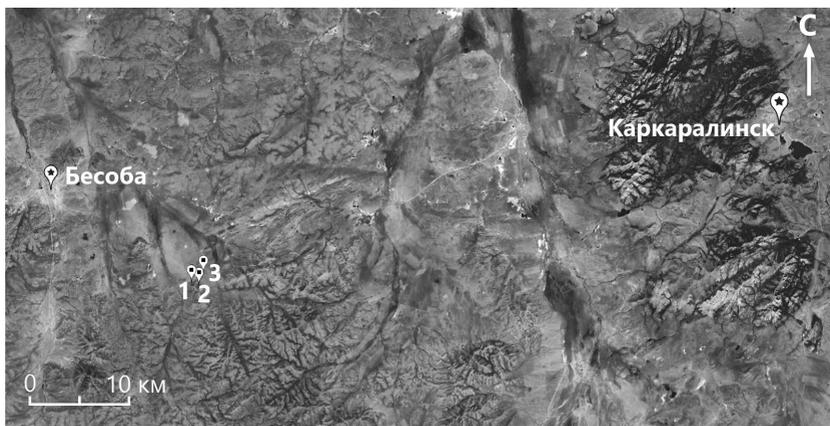

Рис. 1. Карта расположения памятников. 1 – зимовка Карашоки-1; 2 – зимовка Карашоки-2; 3 – группа памятников Токантас. Google maps.

ников. Получены новые материалы по эпохе бронзы, раннего железного века [4–6]. В число ранее не известных интересных памятников входят петроглифы Коныржон [7].

В ходе археологической разведки, проводившейся в полевые сезоны 2019–2020 гг., на территории Бесобинского сельского округа Каркаралинского района было обнаружено большое количество старых казахских зимовок. В ходе этих работ проводились обследования руинированных остатков зимовки Карашоки – зимнего аула, возникшего во второй половине XIX в. В настоящем сообщении приводятся некоторые результаты работ, проведенных авторами в районе горы Карашоки.

Собственно равнина Бесоба, вытянутая по реке Байкожа, со всех сторон окружена многочисленными горными поднятиями, в системе которых образованы небольшие локальные долины, окаймленные господствующими в данной местности высотами. К юго-востоку от села Бесоба находится гора Аксары с абсолютной отметкой 938 м. Далее к юго-востоку расположена одна из локальных долин, ограниченная, помимо горы Аксары, такими поднятиями, как Карашоки, Токантас и др. Гора Карашоки с абсолютной отметкой 964 м ограничивает эту долину с юга.

Зимовка Карашоки находится в 17 км к юго-востоку от села Бесоба, на северном склоне одноименной горы. На северо-восточном склоне этой же горы, в 0,9 км к юго-востоку от зимовки Карашоки, расположена вторая зимовка, Карашоки-2. Оба объекта расположены, та-

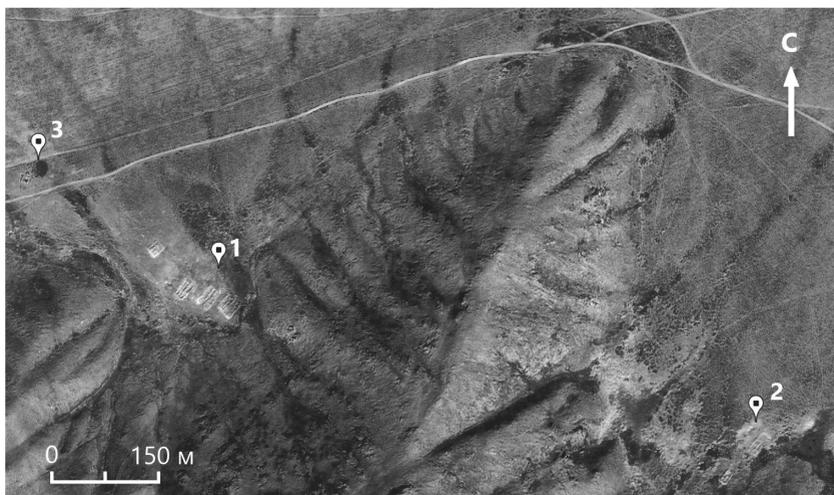

Рис. 2. Карта расположения зимовок Карашоки. 1 – Карашоки-1; 2 – Карашоки-2; 3 – кладбище. Bing maps.

ким образом, неподалеку друг от друга, на верхних склонах одной возвышенности, занимая удобные площадки на противоположных сторонах общей вершины (рис. 1; 2).

Для исследования, в том числе закладки трех небольших раскопов, была выбрана зимовка Карашоки, состоящая из остатков четырех строений. Для основания небольшого зимнего аула выбрана удобная площадка, окруженная с трех сторон – с запада, юга и востока – увалами, спускающимися с верхних склонов горы. В 140 м к северо-западу от крайнего строения с востока на запад пролегает полевая дорога, соединяющая окрестные зимовки, летовки и сенокосные участки с основным населенным пунктом – селом Бесоба.

С восточной стороны горы Карашоки, неподалеку, находится соседнее поднятие, Токантас (абсолютная высота 1012 м), у западного подножия которого протекает в северном направлении речка Тескенсу. На левом берегу этого водотока, интенсивного весной и в начале лета, расположена группа памятников Токантас (рис. 1). Интересны здесь два крупных кургана с «усами», расстояние между которыми 350 м. Расстояние от зимовки Карашоки до ближайшего кургана с «усами» около 2 км. Вторая группа курганов, условно именуемая Токантас-2, расположена в 1,5 км к северо-западу от предыдущей. В 3 км далее к северо-западу расположен разрушенный царский курган сакского времени Аксары. Курган этот, первоначально имевший высоту, по-види-

Рис. 3. Зимовка Карашоки. Общий вид на остатки сооружений.

тому, около 5–6 м, известен среди местных жителей под названием «Шапкантобе», что означает «тобе (каз. сопка, холм), вокруг которого проходили скачки». Здесь, в долине Аксары, на протяжении длительного времени происходили конские скачки во время различных празднеств, во время которых на вершине кургана находились наблюдатели.

Зимовка Карашоки состоит из 4 отдельных сооружений (рис. 3), вытянутых в одну линию с юго-востока на северо-запад. Все обмеры и описания проводились по основным развалам сооружений, в ходе более широких исследований (раскопок) возможны те или иные уточнения. Внимание авторов было уделено особенностям топографии старого аула, планировки строений; небольшие раскопы были заложены с целью проследить технику возведения стен

Самым крупным является строение 1. Это отдельный дом, иначе жилищно-хозяйственный комплекс, расположенный на юго-восточном краю аула. Основные размеры подквадратного на плане строения, ориентированного углами по странам света, 28×25 м. Дом занимает высшую точку на площадке, ближе к нему расположены строения 2 и 3, а строение 4 отстоит несколько обособленно и ниже. В 150 м от этого последнего строения, по направлению на северо-запад, у полевой дороги, находится небольшое кладбище.

Строение 1. Комплекс, состоящий из многочисленных помещений, условно можно разделить на два сектора, А и Б, которые занимают

Рис. 4. Зимовка Карашоки. Строение (дом) 1.

соответственно северо-западную и юго-восточную половины (рис. 4). В целом достаточно ясно фиксируются остатки стен, которые были построены с использованием камня-плитняка, земли, дерна и сырцового кирпича. Общий для жильцов выход наружу прослеживается в северо-западной стене, в секторе А.

Сектор А состоит из 6 помещений (1–6). Все помещения, по-видимому, выполняли хозяйственную функцию. Входную группу составляют четыре коридорообразных помещения, 1–4, некоторые из которых, возможно, имели внутренние легкие перегородки. Помещение 6, по-видимому, являлось пристройкой. Его северо-восточная, наружная, стена прослеживается не так четко, как остальные, внутренние. Здесь могли держать мелкий скот, молодняк, что можно сказать, впрочем, и о помещении 4. Через помещение 5 осуществлялся проход в сектор Б, где располагалась жилая часть комплекса. Сектор Б состоит из семи помещений, обозначенных как 7–13. Здесь центральное положение занимает помещение 9, по обе стороны от которого, с северо-востока и юго-запада, расположены шесть (7, 8, 10–13) небольших помещений жилого характера. Судя по современным особенностям памятника, для функции основных жилых или «спальных» комнат более все-

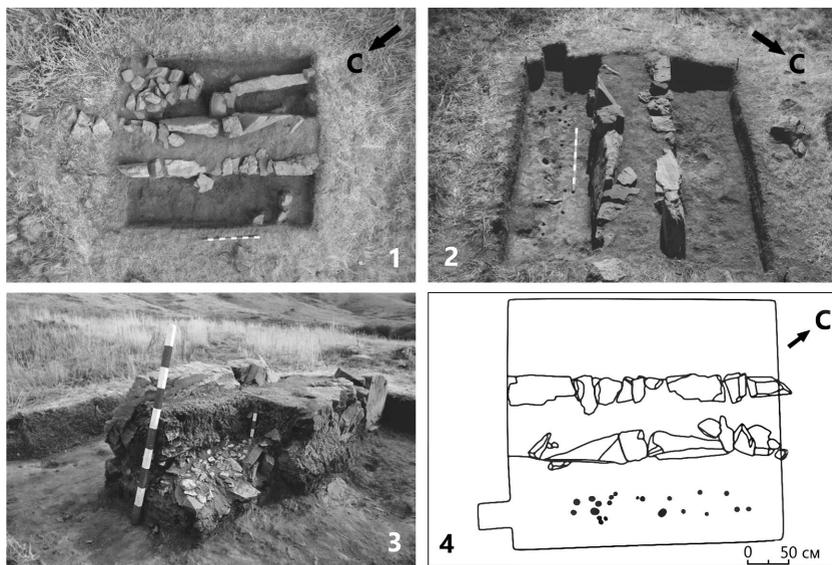

Рис. 5. Раскоп 1, строение 1. 1 – вид после снятия верхнего слоя; 2 – вид после снятия развалов стены и зачистки на уровне древнего горизонта; 3 – разрез основания стены; 4 – план раскопа.

го подходят помещения 7 и 8. Общая длина двух помещений – 12 м, ширина 4 м. Эти помещения имели глинобитные (саманные) стены, что лучше обеспечивает сохранение тепла. Построены в одну связку, в линейном порядке. У них одинаковая ширина. Довольно просторное помещение 9, квадратной формы, размерами 12×12 м, скорее всего, имело внутренние перегородки, одновременно выполнявшие функцию поддерживания кровли, в казахских зимовках обычно довольно тяжелой. В две указанные жилые комнаты попадали из этого помещения 9, при этом, проход имелся в помещение 7, из которого можно было попасть в помещение 8. Жилыми комнатами могли являться также и помещения 10–13, имеющие подквадратную форму и схожие размеры (около 4×4 м).

На строении 1 на северо-западной длинной стене у входа в комплекс был заложен раскоп сторонами 3,3×3 м. Глубина раскопа составила 0,3 м (рис. 5). Был расширен участок каменной стены длиной 3,3 м и шириной у основания 1 м. Край раскопа вскрыл и дверной проем, ширина которого составляла 1 м. Особенности вскрытой стены были зафиксированы после удаления камней развалов, зачистки на уровне древнего горизонта и разборки конструкции. С юго-вос-

точной стороны вскрытого участка стены лежал камень длиной 1,65 м, шириной 0,25 м, толщиной 0,25 м. Для каких целей использовался данный камень, в данный момент судить сложно. Исследования показали, что сохранившееся основание стены состоит из двух рядов поставленных на ребро плит, промежутки между которыми забутованы камнями и землей. Разрез стены показал особенности забутовки. Самый нижний слой состоял из небольших обломков плит размерами около 10×5 см, плотно уложенных вперемежку с землей и мелкими камнями (щебнем). Поверх уложен слой мелких камней. Общая мощность этих двух слоев — до 0,35 м. Затем укладывался слой земли светлых оттенков, без камней. Самый верхний слой также состоит преимущественно из земли, из грунта темного, темно-серого цвета. В момент раскопок высота основания стены составляла около 0,7–0,8 м.

После расчистки развалов стены на их внутренней стороне, обращенной к помещению, на уровне древнего горизонта были обнаружены небольшие ямки с древесным наполнением. Диаметры этих ямок, имеющих округлые очертания и выкопанных в два ряда, варьируют в пределах 4–10 см. Их глубина 5–10 см. Эти ямки указывают на то, что здесь когда-то находилась легкая стена, изгородь из жердей и тальника. В существовании такой изгороди вдоль основной стены, на небольшом расстоянии от нее, к тому же внутри помещения, нет смысла. Скорее, возможен другой вариант объяснения этих ямок. По-видимому, эта легкая стена составляла часть более раннего строения и была убрана в ходе расширения и перестройки. На этом месте, всего в 20–25 см от той линии, где проходила деревянная изгородь, жителями была построена более прочная стена с каменным основанием.

Строение 1 больше других подверглось разрушению. Оставшиеся три строения зимовки Карашоки имеют лучшую сохранность. Все три, так же как и первое, ориентированы углами по странам света и также имеют прямоугольную форму. Их размеры: строение 2 — 30×21 м, строение 3 — 25×15 м, строение 4 — 18×17 м.

Строение 2. Аналогично предыдущему строению, имеет выход наружу в северо-западной стороне. Состоит из 6 помещений жилищно-бытового и хозяйственного характера (рис. 6). Входную группу составляют помещения 1, 2, находящиеся слева и справа от входа в комплекс. Большое Г-образной формы помещение 3 имеет довольно широкие каменные основания стен и через внутренние перегородки делилось на три или четыре комнаты. Помещение 6 является пристройкой, предназначенной для скота. Помещения 4 и 5, полностью занимающие юго-западную сторону, несут более явные признаки главного жилого сектора. При этом довольно просторное помещение 4 (13×6 м) скорее выпол-

Рис. 6. Строение 2 с видом на раскоп 2.

няло функции жилищно-бытового пространства, тогда как собственно жилым являлось помещение 5 с саманными стенами. Его размеры 6×4 м, оно разделено на две части короткой перегородкой.

На территории объекта был заложен раскоп 2 сторонами $4,5 \times 3$ м, который охватил северный угол постройки. Расчищен участок основной стены длиной 3,5 м и шириной 1–1,2 м, а также небольшая часть второй стены, образующей угол. Основание стены, практически разрушенной, сохранилось на высоту 0,4 м. Выявлена укладка каменной стены в два ряда с забутовкой землей и колотым камнем, последним — в малом количестве. Камни стены, в отличие от предыдущего строения, были не поставлены на ребро, а подняты посредством кладки в высоту. Сохранилось два слоя кладки. В кладке использовались камни размерами в среднем $0,5 \times 0,2 \times 0,1$ м.

Строение 3. Выход наружу также расположен в северо-западной стороне. Состоит из 5 помещений, которые, аналогично строению 1, более четко разделяются на два сектора с хозяйственной и жилищной функциями (рис. 7). Хозяйственную часть комплекса составляют помещения 1 и 2, занимающие северо-восточную половину, тогда как помещения 3–5 являются жилищно-бытовыми и занимают, соответственно, юго-западную часть постройки. Помещения 1 и 2 довольно большие,

Рис. 7. Строение 3 с видом на раскоп 3.

и здесь, помимо прочего, могли держать скот. Они Г-образной формы, размерами 8×4 м, внутренний коридор 3 занимает в жилом секторе центральное положение, из него имелись входы в жилые помещения 4 и 5. Помещение 4, расположенное в западном углу и имеющее размеры 7×3 м, через короткую перегородку разделено на две части. Аналогично устроено и помещение 5 (5×4) м, расположенное в юго-восточной стороне. Для стен обоих помещений применялся саман.

На территории строения был заложен раскоп 3 сторонами 4×3 м. Площадь раскопа частично охватила северо-западную длинную стену и фрагмент стены между помещениями 1 и 2. В ходе разбора развалов стен были обнаружены немногочисленные кости животных. Результаты работ показали, что здесь применялся аналогичный строению 2 способ возведения стен. Вскрыта каменная кладка из двух рядов крупных плит, укладывавшихся плашмя, пространство между которыми забутовано камнями вперемежку с землей. Здесь уже в забутовке преобладает именно камень. Высота внешнего ряда $0,9$ м, внутреннего — $0,6$ м. Ширина основания стены $0,8$ м. В высоту сохранились 3–4 ряда каменной кладки. В ней использовались камни покрупнее, средние параметры которых составляют $0,5–0,65 \times 0,25 \times 0,15$ м. Следует отметить, что строение 3 имеет наиболее сохранившиеся основания стен. Этот

жилищно-хозяйственный комплекс построен более тщательно, имел более прочные стены на всех четырех сторонах (рис. 7).

Данные, полученные на жилищно-хозяйственных строениях из Карашоки, дополняют имеющиеся материалы по казахским зимовкам восточной части Центрального Казахстана.

Зимний аул основан на северном склоне горы, но при этом для правильной оценки топографии данного памятника следует обратить внимание на особенности самой площадки его расположения.

На северном склоне горы Карашоки две гряды, расположенные почти параллельно (рис. 2), спускаются в северо-западном направлении, образуя небольшой сай почти правильной вытянутой формы. Длина этого сая, понижающегося с юго-востока на северо-запад согласно общему рельефу, около 200 м, ширина — около 100 м. Сай имеет два длинных борта, северо-восточный и юго-западный, которые замкнуты указанными двумя грядами; вверху, с юго-востока, он упирается в гору, а короткая северо-западная сторона остается открытой и ведет вниз, в долину. Большая часть поверхности сая относительно ровная, за исключением юго-западного его борта: здесь вдоль гряды проходит извилистая впадина, где во время осенне-весенних ливней, а также таяния снега образовывалась временная протока. Вода, идущая со всех замкнутых горой трех сторон сая, собиралась в этой впадине и шла потоками вниз, на северо-запад. Дома зимнего аула устроены в этой нише, цепочкой с юго-востока на северо-запад, выходом ориентируясь на долину, при этом очевидно, что жители особо учитывали силу стихии со стороны юго-запада. У обследованных домов наилучшим образом выглядит именно основание юго-западной стены. Прежде всего это видно на строении 1 (рис. 4), с которого, скорее всего, и началось обустройство аула. Дом этот стоит выше других, и он должен был больше всех испытывать на себе силы стихии. С этой стороны стена строилась сплошной прямой линией, без пристроек и углов. Вода из временной протоки могла подтопить в первую очередь юго-западную стену дома; учитывалась, по всей вероятности, также сила ветров. Выбор устройства выходов из домов (дверей) диктовался не только общей ориентацией поселка на северо-запад, на долину. Скорее, открыть выход на северо-восток не могли также и потому, что в этом случае в жилище проникали бы снег и вода уже со стороны северо-восточной гряды. В данной топографической ситуации наилучшим решением было строить жилищно-хозяйственные комплексы вдоль линии горных гряд, а выходы делать в нижней части построек, избегая прямого попадания ветра, снега и воды.

Проведенное наблюдение важно для археологических исследований, в частности при изучении топографии сакских поселений. Обыч-

ное указание на тот или иной «склон горы» часто не объясняет всей топографии памятников данной категории. Разумеется, более тщательные наблюдения будут являться результатом специального исследования, востребованного в рамках соответствующих задач.

На всех трех раскопах был выявлен один и тот прием в возведении каменных оснований стен. Это двухрядная кладка, пространство между которой заполнялось камнем и землей. Разница была в том, что ряд составлялся из плит, поставленных на ребро, как на раскопе 1, или его поднимали кладкой, а также в характере забутовки, в которой камень, щебень и земля использовались в разных пропорциях. Основание стен из двух рядов плит с внутренней забутовкой в памятниках восточных районах Центрального Казахстана встречается еще с эпохи бронзы, этот же прием достоверно зафиксирован на поселениях сакского времени [8].

Внутренняя планировка обследованных комплексов объединяет хозяйственные и жилые части в границах одной постройки. Во всех трех домах жилой сектор располагался в глубине построек, и туда попадали через хозяйственные помещения. Это делалось для сбережения тепла. Как было сказано, юго-западная стена всего дома являлась особо важной, вероятно, наиболее прочной и утепленной, и именно к этой стене изнутри пристраивались основные жилые комнаты. Это помещения 7, 8 в доме 1, помещения 5 и 4 в домах 2 и 3. Перед такими комнатами устраивались особые коридорообразные помещения, отделяющие первые от хозяйственной части. Это помещение 9 в доме 1 (рис. 4) и помещения 4, 3 в домах 2 и 3 (рис. 6, 7) соответственно. В таких помещениях могли держать разную утварь, принадлежности, связанные с жилым сектором, они могли выполнять также и жилые функции, например в теплые месяцы, или же служить для размещения гостей, временных жильцов. Разные функции, но уже более тесно связанные с хозяйством, могли выполнять помещения входной группы – от хранения разных вещей и топлива до содержания молодняка скота.

Некоторая практика работы со старыми казахскими зимовками показывает, что жилые помещения, возведенные с применением самана или же отличающиеся более прочным основанием стен, довольно четко выделяются в планировке таких построек. Немаловажное значение имеют их собственная планировка и размеры. Во всех трех домах, рассматриваемых в настоящем сообщении, жилые помещения представляют собой одну цельную постройку с одним входом, разделенную внутри на два или три небольших помещения посредством половинчатых перегородок. Возле одной, обычно первой, такой перегородки устраивался казандык (печь), обогревающий через систему дымо-

хода два или три помещения (см. [9]). Такое жилое помещение, разделенное половинчатыми перегородками на две или три линейно расположенные комнаты, для многих осмотренных зимовок данного региона является очень характерным. Встречен такой тип жилых помещений и далеко за пределами востока Центрального Казахстана, на Тургае, в Жетысу. Он, с передним коридором, может располагаться обособленно, превращаясь в «уй», т. е. «дом», возле которого, через небольшой двор, находится уже отдельная хозяйственная часть – «кора». Этот же тип жилых помещений без особых внутренних планиграфических изменений, но с разным расположением хозяйственного сектора, доживает на востоке Центрального Казахстана до построек 1950-х гг., которые можно было видеть еще в 1970-х гг.

Для старинных казахских построек характерны небольшие размеры внутренних помещений, прежде всего это касается опять же жилых комнат. Чаще всего ширина жилых помещений указанного типа не превышает 3–4 м. Помимо необходимости экономии тепла, что играло в течение очень длительного времени важнейшую роль на территории Казахского мелкосопочника, небольшая ширина помещений выбиралась еще и в целях увеличения прочности и устойчивости кровли и всего строения в целом. Для этих домов, какими бы они ни были по прочности и долговечности, необходим был тяжелый тип кровли, включающий, помимо дерева, основательный земляной слой. Стремление жителей уменьшить ширину помещений было замечено и на сакских поселениях востока Центрального Казахстана [10]. Такие наблюдения в целом говорят о том, что население сакского времени и казахи XIX – начала XX в. в рассматриваемом регионе проживали примерно в одинаковых природно-климатических условиях.

Отдельно стоящих построек для скота на Карашоки не зафиксировано. Открытые (деревянные) загоны не сохраняются, их признаки могут быть обнаружены лишь путем сплошных раскопок вокруг имеющих построек. Крытые помещения необходимы были прежде всего для мелкого скота, молодняка и стельных особей крупного рогатого скота. Лошади находились в табунах.

Пока единственным объектом в данном регионе, подвергшимся раскопкам, является зимовка Бориктас на склонах горы Кызыларай. Была обследована зимовка Кызылшилик на склонах Балкантау, то же самое можно сказать и в отношении зимовки Акшоки близ Чингистау (материалы находятся в печати). Все три зимовки принадлежали представителям казахской знати. Хотя для широких сравнений материала еще недостаточно, но уже можно заметить, что зимовки типа Карашоки отличаются от вышеуказанных. Уже можно с уверенностью ска-

зять, что зимний аул на Карашоки был основан представителями казахского крестьянства-шаруа.

В процессе работы над полевыми материалами были собраны некоторые данные о людях, проживавших на зимовке Карашоки, и об их хозяйстве. Помимо прочего, эти сведения представляют интерес и для определения времени существования данного зимнего аула.

Хозяйства, обосновавшиеся на склоне горы Карашоки, попали в поле зрения экспедиции Ф. А. Щербины, в конце XIX в. собиравшей и обрабатывавшей статистические сведения по степным областям. В числе районов работы этой экспедиции был и Каркаралинский уезд в составе Семипалатинской области, которому был посвящен отдельный том [11]. Рассматриваемая местность в то время относилась к Аксаринской волости Каркаралинского уезда. Как известно, в ходе реформы 1867–1868 гг. на территории бывших степных (внешних) округов были образованы уезды с областным подчинением. Родовые названия волостей сменились на названия местностей. По данным Ю. Г. Попова [12], волость, получившая сначала название Каркаралинской, в 1970-х гг. разделилась на две. Северная ее часть стала называться Аксаринской, по горе Аксары, упомянутой выше. К югу от нее располагалась Бериккаринская волость, также по названию горы Бериккара, находящейся на границе современных Каркаралинского и Актогайского районов Карагандинской области.

По материалам экспедиции Щербины окрестные урочища современного села Бесоба и хозяйства, проживавшие на них, были объединены в рамках административного аула № 6 Аксаринской волости Каркаралинского уезда. Важно отметить, что наше отождествление зимовки Карашоки с данными этой экспедиции вполне согласуется с результатами сравнения многих местностей, специально отмеченных в соответствующих графах поаульных таблиц, с современными географическими названиями. Результаты, как говорится, поразительные. Царские сотрудники в качестве «урочища, при котором находится зимовка», четко и без особых искажений записали такие названия, как Карашоки, Токантас, Тугискен, Коньртобе, Миншукур, Сарьжал, Акжал, Джамантас, Бекшоки, Косшоки, Керей и др., которые дошли до наших дней без изменений.

В составе административного аула № 6 находились хозяйственные аулы¹ № 37 и 38, расположенные на местности Карашоки. Если выра-

¹ В системе работы экспедиции в казахских волостях хозяйственными аулами назывались зимовки. Хозаулы объединялись в административные аулы. И те и другие нумеровались. Авторы современных публикаций в Казахстане не понимают суть

зиться точнее, именно Карашоки отмечен для обоих хозаулов в качестве урочища, при котором находится зимовка [11, поаульные таблицы, с. 138–141]. Рассматриваемая в настоящем сообщении зимовка Карашоки со стороны долины является ближней, а Карашоки-2, расположенная за хребтом, на его восточной стороне (рис. 2), – дальней. Поэтому авторы полагают, что зимовку Карашоки следует отождествить с хозяйственным аулом № 37 у Щербины, а Карашоки-2 – соответственно с хозаулом № 38. Приведенные ниже данные относятся к 1898 г., когда проводился опрос среди аулов Каркаралинского уезда.

Экспедиция записывала имена аксакалов хозяйственных аулов. Наряду с тем, что хозаул есть зимний аул, следует знать и то, что «аксакал» – это не административная должность, а обычный авторитетный, старшего возраста, житель данного аула, который решал основные вопросы в своем маленьком коллективе. Общеизвестный «старшин» или «аулнай» (аульный старшина) – это официальная должность, которая применима к административному аулу.

Всех жителей поименно в книгу опроса не заносили, ограничиваясь указанием имени такого аксакала. Аксакалами были записаны: в хозауле № 37 – Тилеуберген Жундибай, в хозауле № 38 – Ибрай Кортък. Как было сказано, оба хозаула находились в «урочище Карашоки». В качестве водных источников записано по одному колодцу в каждом хозауле. Аксакалы показали, что обе зимовки «основаны 40 лет тому назад». Расстояние от уездного центра – «60 верст». В каждом хозауле было по три хозяйства. Относительно жителей указано, что в каждом хозауле было по 17 человек обоего пола. Поскольку полевые исследования касаются именно зимовки Карашоки, ниже приводятся данные хозяйственного аула № 37.

этих «аулов» и не вникают в проблему, к которой пытался подойти сам Ф. А. Щербина с помощниками. Эти пронумерованные аулы современные авторы представляют, по-видимому, в виде нынешних населенных пунктов, бывших центров или отделений совхозов. 42 зимовки или хозаула Ф. А. Щербина объединил в один административный аул № 6. Он – единственный исследователь царского периода, увидевший необходимость выделения такой единицы, как административный аул, при изучении казахских хозяйств того времени. По его мнению, административный аул отражает хозяйственные интересы целой группы коллективов, каждый из которых представляет низшее звено, которое он назвал хозаулом. Рассмотрение этих и других вопросов по работе и итогам экспедиции Щербины выходят за рамки настоящего сообщения. Интересующемуся данным вопросом читателю следует изучить материалы этой экспедиции и работы Федора Андреевича Щербины, выдающегося статистика, крупнейшего представителя науки Российской империи (см.: [8, с. 29–30]) (здесь и далее прим. А. З. Бейсенова).

В собственности аула находились: «юрт – 3», «землянок (шым уй) – 3», «чучала (кухня и кладовая) – 2». Здесь необходимо отметить еще одну особенность языка материалов экспедиции Щербины. В настоящее время авторы поголовно отмечают, переписывая сведения из публикаций томов экспедиции, «землянки» у казахов, включая и хозяйства знати. Это грубое искажение. «Землянки», «землебитные дома», «земляные дома», «дома из землебитного кирпича» в материалах Щербины, а также и в ряде других публикаций царского времени, – это не что иное, как постройки из дерна (каз. «шым») и сырцового кирпича. Такие жилые сооружения нельзя путать с землянками в обычном современном значении.

Экспедицией было записано количество скота (табл. 1), которым владел аул из трех хозяйств. Ф. А. Щербину оппоненты (напр., А. А. Кауфман) обвиняли в занижении количества скота у казахов. Возможно, основания к этому были [8, с. 31], но принято считать, что к большим искажениям это не ведет.

Таблица 1

Число записанного скота (с учетом молодняка) хозяйственного аула № 37 административного аула № 6 Аксаринской волости Каркаралинского уезда Семпалатинской области, урочище Карашоки (по: [11, Поаульные таблицы, с. 138–141])

Виды скота	Лошади	КРС	Верблюды	Овцы	Козы
Количество	40	37	8	80	20

Аул сеял 5 пудов пшеницы, пашня находилась на расстоянии 1 версты от зимовки. Аксакал показал, что пашут «5 лет». Сенокосные угодья располагались на расстоянии «7 верст от зимовки». Косят сообща, «140 копён». Начали косить 6 лет тому назад. Интересно отметить, что соседний хозяйственный аул № 38, который отождествляется авторами настоящего сообщения с зимовкой Карашоки-2, начал косить сено 30 лет тому назад. Не исключено, что Карашоки-2 была основана раньше, чем Карашоки, хотя это пока остается на уровне предположений.

Все собранные сведения по зимнему аулу Карашоки позволяют считать, что здесь обосновались в начале второй половины XIX в., в 1950–1860-х гг., если взять в расчет показания аксакала Тилеуберды Жундибая, представители среднестатистического казахского крестьянства-шаруа. Эти шаруа, помимо другого скота, имели верблюдов, практиковали сенокосение, сеяли пшеницу. Это были не бедняки, а именно крестьяне, работающие люди, класс, на плечах которого держались богатство и мощь государства того времени, когда истребление крестьянства, мужикоборство еще не стало жуткой политической модой. Безмолвные руины свидетельствуют о неизвестной нам жизни этих про-

стых людей, небогатых, особо не образованных, но живших честным и благородным трудом.

Старые казахские зимовки, устроенные на склонах гор и каменных сопок, чаще на верхних склонах, представляли собой сезонные жилища и под воздействием природной стихии ветшали довольно быстро; они ремонтировались и перестраивались. На месте современных руин могли быть постройки более раннего периода.

На основании имеющихся данных можно предположить, что обследованные остатки построек зимнего аула Карашоки могут быть отнесены к периоду последних десятилетий XIX в. Разумеется, важные данные могут быть получены в ходе полного исследования памятника, а именно его раскопок.

Археологическое обследование руин показывает, что следы саманного кирпича на многих стенах, за исключением жилых комнат, отсутствуют. Это доказывает, что на позднем этапе своего существования, в 20–30-е гг. XX в., зимовка заново не перестраивалась. В противном случае здесь появились бы полностью саманные постройки, от которых остаются хорошо заметные, достаточно интенсивные оплывы глинистого происхождения. Учитывается, что в условиях горной топографии фиксация следов «землебитных кирпичей», т. е. самана, затрудняется несколькими факторами. Одним из них является отсутствие в такой местности чистой глины, вследствие чего кирпичи могут быть сделаны (замешаны) с использованием грунта из дерна, залегающей под дерном твердой супеси, насыщенной щебнем и песком, что приводит быстрому размыванию этих кирпичей. Обследования показывают, что в данном случае это можно не брать в расчет: в районе жилых комнат следы самана фиксируются достаточно четко. Согласно таким наблюдениям, сохранившиеся руины указывают на довольно ранний характер построек, что согласуется с вышеуказанным мнением о последних десятилетиях XIX вв. как возможной их датировке.

На вопросы существования зимовки Карашоки в начале XX в., на проблему ее верхней даты, некоторый свет проливают другие имеющиеся сведения, уже касающиеся людей новой эпохи. На небольшом кладбище, находящемся у полевой дороги неподалеку от зимовки, похоронен человек по имени Хамза Нарембеков, который родился в 1927 г. и умер в 2004 г. Надмогильный камень-кулпытас сделан из современной мраморной плиты. Рядом – плита, поставленная на могиле «Зимейлы, невестки Нарембека». Возник вопрос: почему этих людей похоронили на маленьком кладбище возле давно заброшенных руин старой зимовки, тогда как близ села Бесоба находятся современные кладбища? Одиночные старые могилы или их небольшие группы часто

находятся близ заброшенных старых зимовок, но в наши дни там уже не совершают захоронений. Особенно интересовали сведения о Х. Нарембекове, умершем недавно. Определенный интерес вызывала дата рождения этого человека – 1927 г. Расположение кладбища явственно указывала на старую зимовку Карашоки. С помощью информаторов¹ вскоре удалось собрать необходимые сведения.

Хамза, сын Касыма из рода утеп² (Средний жуз, аргыны), родился осенью 1927 г. в одном из домов зимовки Карашоки, руины которой были обследованы авторами в полевых сезонах 2019–2020 гг. В 1931 г. умерла его мать по имени Зимейла, которую похоронили близ зимовки. В 1934 г. умер³ отец мальчика, Касым. Мальчика-сироту взял к себе родственник отца, Нарембек, воспитавший его. Хамза с начала 1940-х гг. стал жить в городе Караганда, куда перебрался Нарембек, который записал его на свое имя. Уже в преклонном возрасте Хамза Нарембеков ездил с сыновьями на Карашоки, где ими был поставлена плита на могиле его матери Зимейлы, умершей в молодом возрасте. Тогда же он завещал сыновьям похоронить его на Карашоки, близ зимовки, где он родился, указав место возле матери.

В этом рассказе, переданном авторам Еркеком Нарембековым, 1962 г. р., сыном Хамзы, проживающим в г. Караганда, важны две даты. Это 1927 г., когда родился Х. Нарембеков, и 1931 г., время смерти и похорон его матери. На основании этих двух дат можно твердо счи-

¹ Авторы выражают признательность информаторам С.З. Оразбекову, К. Г. Нургалиеву (с. Бесоба), Е. Нарембекову (г. Караганда) за любезно предоставленные сведения относительно названия и расположения местных урочищ, а также данного кладбища.

² Утеп – родовое подразделение, зимние аулы которых находились в районе расположения гор Аксары, Карашоки, Токантас, урочища Сыманай и др. Согласно данным информаторов из села Бесоба, название горы Карашоки в народе употребляется в такой форме – «Карашоки рода утеп» (Өтептің Қарашоқысы). Привязка названия той или иной местности к имени жившего там человека или же названию родового подразделения в старину у казахов было широко распространено. Особенно это касалось таких часто встречающихся названий, как Акшоқы, Карашоқы, Акжал и др. А. Х. Маргулан в своих работах упоминал такие названия: Байыштың Қарашоқысы, по человеку по имени Байыш; Қомыттың Қарашоқысы, теперь уже по человеку по имени Комыт. Первый Карашоки находится на территории Актогайского района Карагандинской области, второй – Каркаралинского.

³ Он будто бы похоронен в другом месте, о котором точные сведения неизвестны. Это неспроста. Данная дата связана с событиями начала 1930-х гг., когда в результате мер по коллективизации случился тотальный голод в казахской степи, приведший к огромным человеческим жертвам. Подлинные ситуации вокруг казахских зимников начала 1930-х гг. не документированы; поколения, видевшего реалии этих лет, уже нет.

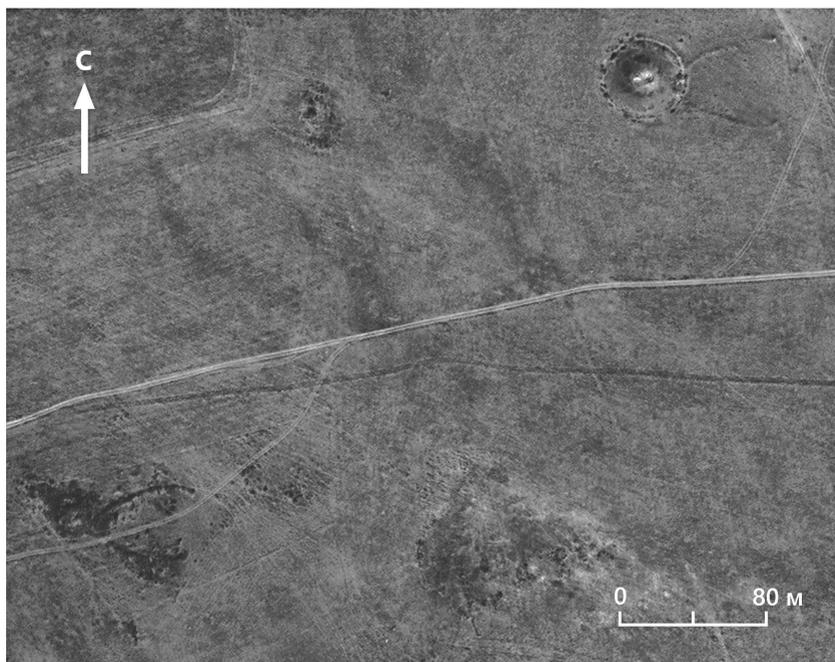

Рис. 8. Карта расположения курганной группы Токантас.

тать, что зимовка Карашоки существовала вплоть до начала 1930-х гг. Имеются косвенные сведения о существовании этой зимовки и в конце 1930-х гг. Так, согласно данным Е. Нарембекова, его родственник Куаныш Аскарбеков также родился в 1937 г. на зимовке Карашоки. Его отец, красноармеец Тунгатбай Аскарбеков в августе 1942 г. погиб в одном из ожесточенных сражений под Калинином (Тверь).

На основании полевых материалов и ряда других собранных данных можно сделать следующее заключение. Зимовка Карашоки, о которой шла речь, впервые была основана на склоне одноименной горы представителями поколения Утеп (Средний жуз, аргыны), проживающими в составе Аксаринской волости Каркаралинского уезда, в 50–60-х гг. XIX в. Предположительно в это время могли быть сооружены небольшие постройки из камня и дерна. В конце века здесь проживали три хозяйства из 17 человек обоего пола. Зимовка состояла из трех домов: вероятно, их руины и дошли до наших дней. Жители держали животных вплоть до верблюдов, хозяйства были относительно крепкие, имели небольшие пашни под пшеницу, косили сено. И пашни, и сенокосы были неподалеку. Можно предположить, исходя из расстояния

в 1 версту, что пашни находились на речке Тескенсу, возможно, северо-восточнее зимовки. В 7 верстах (около 7,5 км) находились сенокосы; скорее, косили в ущельях, где, как говорили в старину казахи, «груженная арба обратно идет своим накатом, не требуя камчи для лошади». По достоверным данным, зимовка Карашоки существовала вплоть до начала или конца 1930-х гг. Возможно, наиболее поздней постройкой может оказаться дом 4, несколько обособленный от других и не подвергшийся обследованиям в полевых сезонах 2019–2020 гг.

Как было сказано выше, к северо-востоку от зимовки Карашоки расположена группа памятников Токантас (рис. 8). Примечательны здесь два крупных кургана с усами, Токантас и Токантас-2. В обоих случаях в комплекс входят две насыпи: основной курган, находящийся с запада, и восточный малый курган-спутник, от которого отходят каменные гряды в восточном направлении (тип 2 по А. З. Бейсенову). На больших насыпях обоих комплексов имеются четко выраженные грабительские воронки. На кургане с «усами» Токантас-2, что находится северо-восточнее первого, западная большая насыпь диаметром около 30 м и высотой 3 м заключена в ров округлой формы. На кургане с «усами» Токантас был вскрыт малый курган-спутник диаметром около 3 м. Костей животных, остатков керамических сосудов и каких-либо других находок обнаружено не было. Планируется продолжение работ на памятниках района горы Карашоки. Одним из перспективных направлений работ являются поиски поселений раннего железного века.

A. Z. Beisenov, N. Sh. Jumanazarov, I. K. Akhiyarov

Karashoky, an old wintering in the Aksary Valley in Central Kazakhstan

Abstract. In the field seasons of 2019–2020, the authors researched the area of the Besoba village in the Karkaraly district of the Karaganda region. The locality is known for a large number of archeological monuments. The first studies of monuments were held in the 1950s by A. Kh. Margulan (Almaty), A. F. Semyonov (Karaganda), S. V. Kiselyov (Moscow). Nowadays the research is extended. New monuments of the Bronze epochs and Early Iron Age were discovered here, including the Konyrzhon petroglyphs. The mazars (tombs) and wintering camps of the Kazakh time are under research. Excavation works in the surrounding mountains show that a significant number of ancient wintering camps are concentrated in this area. The authors further examined the wintering of Karashoky. The report provides some preliminary results of the study of this monument. These works will be continued in the coming years. Based upon the results of the work, the Karashoky wintering arose in the second half of the 19th century and existed during the first decades of the 20th century. A significant part of the Kazakh winterings in Central Kazakhstan have already disappeared from the face of the earth and the rest is quickly decaying. Therefore, there is the urgency for the organization of state registration and protection of these important monuments, as well as their scientific study. **Keywords:** *Central Kazakhstan, Besoba, Kazakh wintering camp, Karashoky, archaeological sites.*

Источники и литература

1. Бейсенов А. З., Кукушкин И. А., Дуйсенбай Д. Б. Бесоба, комплекс памятников // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 424–429.
2. Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Полевые исследования на могильнике Бесоба // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. С. 142–147.
3. Киселев С. В. Предварительный отчет о раскопках Карагандинского областного музея в местности Бес-Оба, Каркаралинского района Карагандинской области в сентябре 1940 г. // Архив Карагандинского областного историко-краеведческого музея, инв. № 1721.
4. Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А. Итоги работ на могильнике бронзового века Бесоба // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию ЦКАЭ. Т. 2. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. С. 188–202.
5. Бедельбаева М. В. Знаки-символы на курганных плитах могильника Бесоба // Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран. Алматы, 2017. С. 71–76.
6. Бейсенов А. З., Дуйсенбай Д. Б., Святоко С. В. Курган с «усами» Жамантас // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 227–231.
7. Бедельбаева М. В., Новоженев В. А. Наскальные изображения урочища Кобыржон // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К. А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола». С. 55–58.
8. Бейсенов А. З., Шульга П. И., Ломан В. Г. Поселения сакской эпохи: монография. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.
9. Бейсенов А. З. К. А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения-2019: материалы Международной археологической науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г. Нур-Султан: НИИ археологии им. К. А. Акишева, 2019. С. 10–38.
10. Бейсенов А. З. Жилище сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 72–82.
11. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 6. Семипалатинская обл., Каркаралинский уезд. Санкт-Петербург, 1905.
12. Попов Ю. Г. Волостные управители и народные судьи (бии) Каркаралинского уезда: 1871–1919 годы. Караганда, 2010. 130 с.